

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Волшебник

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53   **Дмитрий Наркисович М.**
Волшебник / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
37 с.

ISBN 978-5-519-95207-1

ISBN 978-5-519-95207-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Волшебникъ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Какъ извѣстно, дѣтское любопытство неистощимо и находитъ себѣ обильную пищу даже тамъ, гдѣ, кажется, уже рѣшительно ничего нельзя найти. Напримѣръ, какой интересъ можетъ представлять собой пустырь, поросшій бурьяномъ и кропивою? Даже неприхотливые городскіе козлы не считали нужнымъ сюда

заглядывать а между тѣмъ мы, школяры, не находили себѣ мѣста лучше и, какъ воробыи, обыскали каждый уголокъ. Лучшее этого пустыря для насъ ничего не было, особенно осенью, когда выпадалъ первый снѣжокъ. Это былъ чудный, единственный уголокъ...

Много прошло этому лѣтъ; но я сейчасъ не могу равнодушно вспомнить объ этомъ миломъ пустырѣ, съ которымъ связано столько дорогихъ дѣтскихъ воспоминаній. Представьте себѣ глухую улицу глухого провинціального городка, усаженную одноэтажными деревянными домиками съ длинными заборами, изъ-за которыхъ выглядывали рябины, черемухи и березы, съ плохими деревянными тротуарами и съ громаднымъ пустыремъ въ самой срединѣ. Отъ улицы пустырь отдѣлялся тоже заборомъ, но давно уже покосился и имѣлъ такой видъ, что вотъ-вотъ упадетъ. Воротъ не было; а мы проникали въ этотъ пустырь со стороны болотистой рѣки, гдѣ

тоже когда-то стоялъ заборъ, но постепенно былъ растащенъ сосѣдями на дрова. Главную прелесть этого пустыря составляло небольшое озерко. Отъ бывшихъ здѣсь построекъ сохранились одинъ фундаментъ и старая деревянная баня. Въ уголкѣ какъ-то жалко торчали двѣ старыхъ березы, точно позабытыя всѣми сироты. Озерко на нашемъ школьномъ языкѣ называлось „Средиземнымъ моремъ“, а баня — замкомъ. Дѣтское воображеніе превращало пустырь въ громадную дикую страну, полную чудесъ и самыхъ таинственныхъ явленій. Въ „Средиземномъ морѣ“ жили русалки, а въ банѣ-замкѣ — привидѣнія. Тѣхъ и другихъ кто-то видѣлъ, и всѣ боялись.

Я уже сказалъ, что самымъ лучшимъ временемъ для нашего пустыря была та крѣпкая осень, когда земля промерзла, и начиналъ выпадать первый снѣжокъ. Всѣ лѣтнія игры кончались, и приходилось мириться съ тѣмъ, что могла дать осень.

Только дѣти могутъ использовать всякую мелочь, какъ тряпки, палки, камешки и т. д. Все это оказывается нужнымъ, и все идетъ въ дѣло. А тутъ въ наше распоряженіе попалъ цѣлый пустырь... Какъ теперь вижу, какъ раннимъ осеннимъ утромъ, когда еще хорошенько не разсвѣло, мы по пути въ школу, какъ воробы, забирались на нашъ пустырь съ самыми коварными цѣлями, именно, чтобы поставить клѣтки-западни, раскинуть тайники (сѣтки для ловли птицъ) и вездѣ разсыпать притраву изъ коноплянаго сѣмени и разныхъ крошекъ. Бѣднымъ маленькимъ птичкамъ, оставшимся на зиму, приходилось добывать свою пищу съ большимъ трудомъ, и онѣ попадались въ наши ловушки. Сѣрая чечетка съ красными хохолками, желтогрудые кузнечики, розовые жуланы (снѣгири), пестренькіе зяблики—всѣ одинаково страдали отъ нашего хищничества и за кормъ платили неволей. Въ праздники мы по цѣлымъ часамъ тер-

пѣливо высиживали гдѣ-нибудь въ бурьянѣ, чтобы подкараулить моментъ, когда нужно дернуть веревочку тайника. Хитро устроенная сѣтка захлопывалась, и несчастная жертва нашей ребяческой жестокости попадала въ неволю.

Какъ сейчасъ помню то роковое утро, когда мы, по обыкновенію, явились на нашъ пустырь, нагруженные клѣтками, западнями и тайниками. Утро было самое отличное для нашей охоты. Падалъ снѣжокъ, а „Средиземное море“ уже покрылось тонкимъ, какъ стекло, первымъ льдомъ, по которому еще нельзя было кататься на конькахъ. Первое, что намъ бросилось въ глаза,—это вившійся изъ трубы бани-зѣмка тоненькой струйкой синій дымокъ.

— Въ зѣмкѣ появилось привидѣніе...— прошепталъ кто-то.

Въ первую минуту мы остановились и даже малодушно хотѣли отступить. Въ слѣдующій моментъ мы разсмотрѣли отпечатавшіеся на снѣгу слѣды мужскихъ

сапогъ, которые вели къ рѣкѣ. По внимательномъ ихъ изслѣдованіи было единогласно рѣшено, что эти слѣды того волшебника, который ночью вышелъ изъ рѣки и поселился въ нашемъ замкѣ. Это было такъ ясно, что никому и въ голову не пришла самая простая мысль, именно, что волшебникъ ходилъ къ рѣкѣ за водой. Почему неизвѣстное существо, поселившееся въ пустой банѣ, непременно волшебникъ, а не простой человѣкъ, тоже было ясно, какъ день, и не требовало доказательствъ. Кто первый придумалъ это слово, осталось неизвѣстнымъ, но всѣмъ было ясно, что поселился въ нашемъ замкѣ именно волшебникъ.

— А, можетъ быть, это привидѣніе?— попробовалъ кто-то посомнѣваться еще разъ; но эта мысль была встрѣчена общимъ негодованіемъ.

— Развѣ привидѣнія топятъ печи?!

— Развѣ привидѣнія ходятъ въ сапогахъ?!

Послѣ нѣкотораго раздумья мы двинулись впередъ. Дымокъ продолжалъ подниматься надъ замкомъ и точно таялъ въ воздухѣ. Мы заняли свои обычные позиціи и принялись за дѣло, по временамъ оглядываясь на баню. Охота на птичекъ требуетъ большого терпѣнія. Чтобы не спугнуть добычу, приходилось молчать и не двигаться по цѣлымъ часамъ. Изъ заставшей въ бурьянѣ дѣтвора въ послѣдствіи вышли два врача, одинъ технологъ, три учителя гимназій и даже товарищ прокурора. Гдѣ-то они сейчасъ?.. Вѣроятно, когда выпадаетъ первый снѣжокъ, они каждый разъ вспоминаютъ заброшенный пустырь, гдѣ когда-то ловили чечетокъ, жулановъ, кузнечиковъ и зябликовъ. А можетъ быть, ихъ дѣти въ это время тоже занимаются птицеловствомъ...

Мы отсидѣли въ бурьянѣ положенное время, поймали нѣсколько чечетокъ и разошлись по домамъ, разсуждая по дорогѣ о таинственномъ волшебникѣ, который

даже не счелъ нужнымъ показаться, что бы прогнать непрошенныхъ гостей. Осень выдалась для насъ неудачная, и птица ловилась плохо, а тутъ еще навязался волшебникъ, отъ котораго трудно было ждать чего-нибудь хорошаго.

Въ слѣдующіе дни мы опять видѣли поднимавшійся изъ бани дымокъ, а нѣкоторые увѣряли, что въ окнѣ бани показывалось чье-то лицо съ большой сѣдой бородой.

— А рога есть у волшебника?

— Ну, волшебникамъ рога не полагаются, а только сѣдая длинная борода.

Кстати наступилъ перерывъ въ нашей охотѣ на птицъ, потому что ледъ на „Средиземномъ морѣ“ сдѣлался настолько толстымъ, что мы могли кататься на конькахъ,—удовольствіе, равнаго которому, какъ извѣстно, нѣтъ. Тайники, западни и силки на время были позабыты.

II.

„Періодъ коньковъ“ продолжался не больше недѣли, потому что выпалъ полуаршинный снѣгъ и засыпалъ все „Средиземное море“. Конечно, во время катанья на конькахъ намъ было не до волшебника, хотя мы и видѣли каждый день поднимавшійся изъ бани-зѣмка дымокъ. Увлеченіе коньками было настолько сильно, что если бы въ нашей банѣ поселился бѣлый медвѣдь,—мы и на него не обратили бы должнаго вниманія, какого каждый медвѣдь заслуживаетъ.

Пришлось опять вернуться къ птицамъ, тѣмъ болѣе, что выпавшій глубокій снѣгъ лишалъ ихъ даже тѣхъ зернышекъ, какія онѣ находили въ засохшей травѣ. Теперь онѣ съ голодною довѣрчивостью набрасывались на нашу притраву и попадали въ западни десятками, такъ что мы оставляли у себя только лучшіе экземпляры, а

недостойнымъ нашего вниманія торжественно возвращали золотую птичью свободу.

Въ одинъ изъ горячихъ моментовъ нашей охоты мы въ первый разъ увидѣли таинственнаго волшебника. Увлеченные своимъ дѣломъ, мы не замѣтили, какъ онъ вышелъ изъ своей бани,—онъ точно выросъ передъ нами изъ земли, какъ и полагается настоящему волшебнику. Это былъ, дѣйствительно, старикъ, высокій, худой, сгорбленный, съ рѣдкой, сѣденькой бородкой. Потертая военная шинель сидѣла на немъ, какъ на деревянной вѣшалкѣ, и, вѣроятно, чтобы не свалилась съ него, была перехвачена вмѣсто пояса какимъ-то шарфомъ. Волшебникъ, повидимому, совсѣмъ не желалъ насъ замѣчать. Онъ постоялъ на одномъ мѣстѣ, что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ, а потомъ быстро принялся за дѣло, какого мы меньше всего ожидали. Онъ снялъ съ березъ наши западни и выпустилъ сидѣв-